

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ВЕРЕНИЦА ЛИТЕР

К 60-ЛЕТИЮ
В. М. ЖИВОВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 63.3(2)4
В 74

Редакционная коллегия:

А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован (отв. редактор), Р. А. Евстифеева

В 74 Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / ИРЯ РАН; Отв. ред.
А. М. Молдован. — М.: Языки славянской культуры, 2006. —
624 с.: ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0153-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с изучением древнерусской письменности: эпиграфики, текстологии, кодикологии, исторической грамматики и лексикологии. В сборник вошли также статьи по истории русской литературы и культуры, истории русско-византийских отношений. Ряд статей посвящен вопросам лексической семантики, стиховедения, поэтики, языка художественной литературы. Представлены публикации текстов древнего и новейшего периода и мемуарные заметки. Сборник представляет интерес для лингвистов, литературоведов, историков и культурологов.

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-9551-0153-5

© Авторы, 2006

© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Алексеев.</i> Библия и типология литературных языков.....	7
<i>А. А. Зализняк.</i> Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии.....	20
<i>Б. А. Успенский.</i> Владимир Мономах и апостол Павел	43
<i>Т. В. Рождественская.</i> Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде	46
<i>А. А. Гиппиус.</i> Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет	56
<i>Alan Timberlake.</i> «Не преступати предѣла братна»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle.....	97
<i>К. А. Максимович.</i> Трансформации неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха Болгарского (Опыт количественного описания).....	113
<i>А. А. Пичхадзе.</i> Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение <i>-тъ/-сть</i> в аористе	129
<i>Т. В. Пентковская.</i> Иерусалимский Устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI).....	147
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Древнеславянские переводы анафоры литургии Иоанна Златоуста в служебниках XI—XIV вв.	175
<i>П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава.</i> «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе	193
<i>М. Н. Шевелева.</i> Некнижные конструкции с формами глагола <i>быти</i> в Псковских летописях	215
<i>С. А. Иванов, А. М. Молдован.</i> Русская «душеполезная повесть» с участием Андрея Юродивого	242
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.</i> Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой Руси	273
<i>Е. Э. Бабаева.</i> <i>Простой путь</i> : история одного словосочетания	292

<i>А. А. Турилов.</i>	
«Читал» ли древнерусский книжник миниатюры лицевых рукописей? (Об одном фантоме в изучении лицевого книгописания).....	318
<i>Джованна Броджи.</i>	
Лазарь Баранович в польской и церковнославянской ипостаси.....	327
<i>Роланд Марти.</i>	
Петр I и Михаил Френцель-старший	341
<i>Helmut Keipert.</i>	
Wie gut konnte man <i>man</i> um 1730 ins Russische übersetzen?.....	358
<i>А. П. Майоров.</i>	
Славянизмы как средства канцелярского этикета в деловой письменности XVIII в.	388
<i>Иоахим Клейн.</i>	
«Птенцы учат матку»: Принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева	403
<i>Манфред Шруба.</i>	
Антимасонские комедии Екатерины II как драматический цикл.....	413
<i>Ю. В. Кагарлицкий.</i>	
Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII — первой половины XIX века	427
<i>Вернер Лефельдт.</i>	
Бисмарк и русский язык	449
<i>А. А. Плетнева.</i>	
О языке «масскультуры» пушкинской эпохи: лубочная Сказка о Бове	470
<i>М. Л. Гаспаров.</i>	
Ритмика русского 4-стопного хоря XVIII—XX вв.	487
<i>Е. В. Падучева.</i>	
Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации.....	498
<i>А. Д. Кошелев.</i>	
О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации	516
<i>М. И. Лекомцева.</i>	
Семиотика словообразования, или «Заклятие смехом»	571
<i>А. Г. Кравецкий.</i>	
«Социализм предреченный в образе Самсона»	579
<i>А. К. Жолковский.</i>	
«И на заре какой-то новой жизни...» Филологическая проза	604
Список научных трудов Виктора Марковича Живова	607

О ЯЗЫКЕ «МАССКУЛЬТУРЫ» ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: ЛУБОЧНАЯ СКАЗКА О БОВЕ *

А. А. Плетнева
ИРЯ РАН, Москва

Язык лубка и русский литературный язык

Большинство исследований, посвященных истории русского литературного языка XIX в., опираются на произведения русской классической литературы. С современных позиций такой подход вполне оправдан, поскольку из всех подсистем письменного языка, существовавших в XIX в., именно язык литературы стал господствующим и в конце концов вытеснил все остальные. Однако надо помнить, что в XIX в. язык делопроизводства, язык духовной литературы и некоторые другие функциональные стили имели значительно больше отличий от языка художественной литературы¹, чем это имеет место сейчас. Язык документов, которые Акакий Акакиевич переписывал в своем департаменте, в языковом отношении сильно отличались от того, что выходило из-под пера его создателя. Да и сама литература не отличалась языковым единством, и это прежде всего было связано с тем, что люди, относившиеся к разным социальным группам, имели разные предпочтения. При этом совершенно очевидно, что количество читателей, считающих язык Карамзина, Гоголя или Пушкина своим, было сравнительно небольшим.

Для изучения языковых представлений большей части грамотного населения следует обратить внимание на произведения массовой литературы, на бестселлеры того времени. А для того, чтобы отличить бестселлер от «небестселлера», приходится обращаться к тиражам. Так, если тираж пушкинского «Современника» не превышал 600 экземпляров, то тираж презируемой культурной элитой «Библиотеки для чтения» Сенковского составлял 5 тысяч

* Работа выполнена по программе ОИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте», проект 4.03.

¹ Наиболее значительные отличия касались лексики и синтаксиса, однако в некоторых случаях затрагивался и морфологический уровень.

экземпляров [Гессен 1930: 142—143; Гриц 2001: 250]. Цифры тиража значимы потому, что они являются прямым свидетельством популярности издания и, следовательно, показателем того, что данный журнал или книга в эстетическом и языковом отношении соответствует вкусам своих читателей.

В послепетровской России одним из безусловных фаворитов на рынке коммерческой литературы были лубочные сказки. Изданные в виде гравированных книжек, все они некоторым образом соотносятся с поздними рукописными текстами. Истории про Бову-королевича, про Еруслана Лазаревича, про Петра Златые ключи переписывались в составе рукописных сборников до середины XIX в. Эти сборники, как пишет А. Н. Пыпин, в XVIII в. читали люди всех сословий, «рукописи принадлежали людям по-тогдашнему образованным — гвардейским и армейским офицерам, мелким военным чинам (какие проходили тогда в дворяне), чиновникам... затем купцам, посадским людям, наконец, крестьянам» [Пыпин 1888: VI]. Те же читатели были и у лубка. Хотя постепенно, к середине XIX в., культурная непрестижность подобных текстов привела к тому, что представители образованных сословий перестали читать лубки и рукописные сборники.

И рукописные, и лубочные версии приключенческих повестей и сказок по языку сильно отличаются от текстов, которые традиционно считаются литературными. Здесь обнаруживается значительное число не вошедших в литературный язык просторечных слов и церковнославянизмов, синтаксических конструкций, характерных для устной речи, а также отдельных церковнославянских морфологических форм, уже к середине XVIII в. ставших анахронизмами в литературном языке (если такие формы и появляются в литературных текстах, то они, безусловно, стилистически окрашены, в то время как в лубочной литературе, как и в фольклоре, они нейтральны). По аналогии с термином «гибридный церковнославянский», вероятно, можно говорить о «гибридном русском» языке лубочных изданий.

Тот факт, что язык лубочных сказок, тиражи которых значительно превосходили, например, тиражи сказок Пушкина, имеет массу отличий от нормы эпохи, позволяет утверждать, что русский литературный язык в первой половине XIX в. не являлся общенациональным языком, а был, скорее, социальным диалектом образованной части общества [Поливанов 1931: 125; Кравецкий, Плетнева 2001: 25—41]. Эта образованная часть общества (к ней относились дворяне и духовенство) в Российской империи составляла абсолютное меньшинство: в 1870 г. дворяне составляли 1,2 % от общего числа населения, а духовенство — 0,9 %. В то же время городские сословия составляли 9,2 %, а крестьяне — 81,5 % [Россия 1991: 86]. Конечно, далеко не все крестьяне были грамотными. И все же с развитием начального образования в пореформенной России их процент был не таким уж маленьким. К тому же

широко было распространено домашнее обучение грамоте по Часослову и Псалтири [Кравецкий 2003: 145—152; Кравецкий, Плетнева 2001: 25—30]. При этом образованные крестьяне и мещане читали литературу, которая сильно отличалась от русской классической литературы, в том числе и по языку [Плетнева 2001: 260—279]. В таком случае, обращаясь к народной литературе, мы имеем дело с некой параллельной лингвистической действительностью, описание которой, на наш взгляд, представляет несомненный интерес.

Сказка о Бове-королевиче и ее место в лубочной письменности

Сказка о Бове-королевиче была, безусловно, одним из самым популярных текстов в своем жанре. В журнале «И то и сію» (март 1769 г.) М. Д. Чулков пишет об одном приказном, занимавшемся переписыванием романов:

По прекращении приказной службы кормит он голову свою переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как-то, например, Бову-королевича, Петра Златых Ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине, о Герионе, о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Размире, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве, о Барбосе-разбойнике и прочие весьма полезные истории, и сказывал он мне, что уже 40 раз переписал историю Бовы-королевича, ибо на оную бывает больше походу, нежели на другие такие драматические сочинения [И то и сію, X].

О том, что сюжет о Бове-королевиче был чрезвычайно популярен, свидетельствует и количество лубочных изданий. Так, в каталоге В. Д. Кузьминой представлено 225 изданий сказки о Бове и 88 изданий отдельных сюжетов сказки [Кузьмина 1964: 251—262]². У нас нет точных данных о тиражах этих изданий, однако сам характер лубка как сугубо коммерческой продукции говорит о том, что они были значительными.

Популярность сказки о Бове не вызывала восторга у представителей новой культурной элиты. М. В. Ломоносов считал, что чтение подобных текстов не является душеполезным занятием, а слог их далек от совершенства. Их характеристика весьма не лестная: «...сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетеньем на смех приводят, как сказка о Бове» [Ломоносов VII: 222—223].

Сумароков связывал языковое несовершенство сказки о Бове и подобных произведений с тем, что их переписывали люди, получившие традиционное образование и не приобщенные к новой культуре.

² Количество дошедших рукописей тоже представляется весьма значительным [Кузьмина 1964: 245—251].

Но лязя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога,
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать «Бову», «Петра Златы Ключи»,
Подьячий говорит: «Писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно!»
И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать вовек
[Сумароков 1957: 114].

Различия в языковой практике трех составителей полной редакции Сказки о Бове

Те нелестные характеристики, которые давали языку лубка русские писатели, объясняются достаточно большим количеством разнородных языковых элементов, объединенных в одном тексте, что с позиции литературного языка воспринималось как стилистическая неоднородность. Спектр выбранных языковых средств оказывается намного более широким, чем аналогичный спектр при языковых экспериментах в XVIII в., когда русский литературный язык только создавался.

Для доказательства высказанных положений рассмотрим материал полной редакции лубочной сказки о Бове-королевиче. Наш выбор объясняется в первую очередь тем, что именно эта редакция переиздавалась с 90-х гг. XVIII по 40-е гг. XIX в.³ Именно по отношению к этому периоду можно говорить об окончательном формировании норм русского литературного языка. Это дает исследователю возможность сравнивать две одновременно существующие письменные системы.

При чтении текста наше внимание обратил на себя тот факт, что конец и начало сказки довольно сильно отличаются друг от друга по языку. Можно было предположить, что это связано не с источником, лежащим в основе той

³ Существуют две основные редакции лубочных изданий сказки о Бове: краткая и полная. Краткая редакция появляется в 60-е гг. XVIII в. и переиздается вплоть до 1880-х гг. [Кузьмина 1964: 63]. Полная редакция существовала в трех видах: 1) гравированная на 8 листах с 32 картинками; 2) без картинок (с иллюстрацией на обложке); 3) воспроизведение (иногда в уменьшенном формате) издания на 8 листах с меньшим числом иллюстраций. В настоящей работе мы рассматриваем лишь первый вариант, регулярно переиздававшийся с 90-х гг. XVIII в. по 40-е гг. XIX в. Этот выбор объясняется тем, что язык этих переизданий не подвергался исправлению, в то время как переиздававшиеся во второй половине XIX в. второй и третий варианты отражают языковую правку [Кузьмина 1964: 66].

или иной части⁴, а с языковыми пристрастиями человека, составлявшего текст. Действительно, составители лубочных текстов не имели единого представления о том, каковы нормы письменного языка, и каждый действовал, исходя из своего образования, круга прочитанных текстов, профессиональных навыков.

Анализ текста показал, что полную редакцию лубочной сказки составляли три человека⁵. Этот вывод был сделан на основе анализа структуры предложения разных частей текста⁶. При разделении текста на части, составленные разными людьми, мы пользовались следующими критериями:

а) Достаточно показательной оказывается позиция *и-начинательного*, встречающегося после точки. У первого составителя оно встретилось 3 раза, у второго — 30 раз, у третьего — 15. Эта позиция отчетливо противопоставляет первого составителя второму и третьему.

б) Другая позиция: соединение частей текста или же частей сложного предложения посредством частицы *же*:

*И внидоша Бова королевичь и ста предъ королемъ король же рече Бовѣ господини мои старче можеши ты сию рану изльчити и я тебе дамъ злата и сребра (30.5)*⁷.

У первого составителя встретилось 9 случаев противительного *же*, у второго — 2, у третьего — 52. Эта позиция отчетливо противопоставляет, с одной стороны, первого и второго составителя, с другой — третьего.

⁴ По наблюдениям Кузьминой, среди множества рукописей сказки о Бове практически нет идентичных. «Изучение совокупности сохранившихся списков повести показывает, что переписывание не было механическим действием, а почти всегда являлось творческим актом. Из числа изученных нами рукописей лишь две пары (...) сходятся дословно. Остальные в той или иной мере отличаются друг от друга. Взяв за основу тот или иной текст, автор произвольно сокращал его (...), иногда переставлял эпизоды (...), по-своему пересказывал их, добавляя те или иные вставки (...), нередко контаминировал тексты различных редакций» [Кузьмина 1964: 59—60]. Если практически не существовало идентичных рукописей, то очевидно, что при составлении версии лубочного текста рукописный источник точно так же перерабатывался как в текстовом, так и в языковом отношении.

⁵ Кузьмина считает, что первая часть полной лубочной сказки восходит к III рукописной редакции, а вторая — ко II, но при этом «кое-где сохраняются фразеология и детали III редакции» [Кузьмина 1964: 67—68]. При этом предположить, к каким именно рукописям восходит лубочный текст, не представляется возможным.

⁶ Иногда предложение в лубочной сказке соответствует предложению в литературном тексте на русском языке, а иногда точка ставится в конце нескольких предложений. Для нас существенно два момента: наличие точки (соответственно иногда точка фиксирует конец предложения, иногда конец периода) и способ соединения предикативных единиц.

⁷ Все примеры приводятся по изданию [Ровинский I: 84—113].

Выделенные части оказываются примерно равного размера. Первая часть — по четвертое предложение десятой страницы включительно (соответственно 1.1—10.4). Вторая — по первое предложение 22-й страницы (соответственно 10.5—22.1). Третья — до конца (соответственно 22.2—32.9)⁸. Выделение этих фрагментов подтверждается и другими лингвистическими показателями (о чем см. ниже).

Предложение первой части по своему строю имеет сходство с литературными текстами второй половины XVIII в. Предикативные элементы внутри предложения соединены между собой посредством как сочинительных, так и подчинительных союзов. Например:

Она же прекрасная королева Милитриса Кирбитовна падиши предъ отцемъ своимъ на колѣни доносила ему Государь мой батюшка славныи и храбрый король Кирбитъ Верзоуловичъ нынѣ итти за него смелости не имѣю потому что когда я была млада то король Гвидонъ за меня сватался и тогда изволили вы ему отказать прошу васъ чтобъ какъ возможно за него не отдавать меня а буде изволите отдавать въ замужество то прошу отдать за короля Дадона которои нашему державству оберегатель и истинно кресной хранитель отъ всѣхъ нападствующихъ на нас (2.1).

Предложения второй и третьей части ориентированы скорее на переводные повести XVIII в., а не на русский литературный язык XVIII в. При соединении предикативных частей внутри одного периода подчинительные союзы встречаются значительно реже, а союз *и* — значительно чаще:

И Бова грамоту принять и челомъ ударилъ и пошелъ на конюшню и осѣдлалъ доброго коня иноходца богатырскаго и поѣхалъ въ Задонское царство и ѣхалъ пять дней и пять ноцей ине можетъ наѣхать ни реки ни ручья ни колодезя а пить очень хочется увидѣлъ Бова отъ дороги в сторонѣ дубъ а под дубомъ стоитъ старецъ (Вторая часть, 14.6);

И прекрасная Дружневна пожда Бову многое время думая что львы ратерзали и взяв на руки двухъ сыновъ своихъ съла на иноходца и поѣхала куды глаза глядятъ и приехала Дружневна въ Задонское царство и взяла добраго коня инохотца пустила въ чистое поле поди де ты мои доброй конь ищи себѣ государя ласкового и плакала горко о разлученіи государя своего Бовы королевича (Третья часть, 28.5).

⁸ Конечно, мы не можем ручаться за абсолютную точность такой разбивки. Демаркационная линия отчетливо не прослеживается между двумя конкретными предложениями. Предполагаем погрешность: одно-два предложения от условной границы в обе стороны. В любом случае, это не влияет на общую картину.

Отличия языка Сказки о Бове от литературного языка XVIII—XIX вв.

Формы прошедшего времени

По ряду позиций язык лубочной сказки отличается от русского литературного языка первой трети XIX в. Прежде всего это касается форм прошедшего времени. У первого составителя встречаются только формы на *-л*. У второго наряду с формами на *-л* появляются и аористные формы. Всего у второго составителя аорист встречается 27 раз (все случаи — 3 л. ед. ч.), из них 18 раз — форма *рече*. Кроме того, 3 раза появляется форма *повеле*, 2 раза — *увиде*, 2 раза — *виде*, 1 раз — *погна*, 1 раз — *услыша*.

У третьего составителя аорист встречается намного чаще и выбор глаголов, от которых образована эта форма, разнообразнее. Всего встретилось 76 форм аориста (форм прошедшего времени на *-л*: 255, т. е. приблизительно в 3,5 раза больше). Форма *рече* встречается 20 раз, *повеле* 11 раз, *слыша* 5 раз (*услыша* 3 раза), *поиде* 4 раза (*вниде* 1 раз, *идоша* 1 раз, *внидоша* 1 раз), *собра* 2 раза, *рассече* 2 раза, *вопроси* 2 раза, *начаша* 2 раза (*нача* 1 раз). По одному разу встречаются формы *ста*, *бысть*, *прииде*, *отречеся*, *отсече*, *пожда*, *устрашися*, *достигше*, *паде*, *обвиша*, *подаде*, *умре*, *прослезися*, *виде*, *увиде*, *покла*, *связа*. Формы с окончанием *-ша*, как правило, встречаются при подлежащем только в единственном числе: *Потомъ король Дадонъ обвиша главу и начаша лѣчится и искати по многимъ градамъ лѣкаря* (30.4); *и внидоша Бова королевичъ и ста предъ королемъ* (30.5).

Форма аориста 3 ед. может также появляться при подлежащем не только в ед. ч., но и во множественном: *и потом воста они против короля Маркобруна и выехали из града* (26.3); *король же Дадонъ и прекрасная королева Милитриса услышавше что Бова королевичъ стоитъ подъ градомъ Антономъ повѣле въ рогъ трубить* (30.2).

Один раз встречается форма имперфекта (*ни*)*ведаше*, 2 раза — форма перфекта со связкой *убил еси*, *велѣла еси*, 1 раз в сочетании со связкой *еси* появляется не *л*-форма, а форма аориста: *прелстися еси*⁹.

Инфинитив

В тексте лубочной сказки у первого составителя встречаются только инфинитивы на *-ть*, у второго 104 случая употребления инфинитива на *-ть*, и

⁹ Характерно, что перфектная форма встречается только во 2 л. ед. ч. В церковнославянских текстах XVII—XIX вв. во 2 л. ед. ч. перфект последовательно вытеснил формы аориста и имперфекта.

5 раз появляется инфинитив на *-ти* (*прохлаждатися* 13.6, *радоватися* 14.3, *задернути* 16.4, *засыпати* 16.4, *битися* 21.3). У третьего составителя 64 случая употребления инфинитива на *-ть* и 16 случаев — на *-ти* (*выдати* 25.7, *царствовати* 27.0, *битися* 28.4, *тужити* 30.3, *искати* 30.4, *возвестити* 30.4, *взяти* 30.5, *излечити* 30.5, *бросити* 31.2, *жаловати* 32.4, *владети* 32.4, *стояти* 32.6, *зняти* 32.6, *царствовати* 32.6, *отвещати* 32.8, *жити* 32.9).

Функционирование деепричастий

Образование деепричастных форм в сказке о Бове хотя и сильно отличается от того, что представлено в современном русском литературном языке, но вполне соответствует нормам литературного языка второй половины XVIII в. В тексте сказки встречаются формы с суффиксами:

- а (я): *объявя* (1.3), *обступя* (8.5), *увидя* (9.6), *подъезжая* (9.4);
 - в: *написав* (1.2), *побежав* (3.5), *уронив* (7.9);
 - вши: *выпивши* (15.0), *поднявши* (7.9), *сказавши* (4.5);
 - ши: *пришедши* (16.5, 25.5, 30.3), *испекши* (5.6), *могиши* (4.3);
 - учи (ючи): *едучи* (27.1), *будучи* (2.0), *отдаючи* (5.7), *ступаючи* (11.8);
- бессуффиксные формы от глагола «идти» и однокоренных приставочных глаголов: *вышед* (28.2, 24.4), *пошед* (32.3, 10.5), *отошед* (27.2), *вошед* (25.9, 5.6), *пришед* (23.1, 23.4, 24.4, 17.2, 6.4).

В грамматике Барсова, относящейся к концу 80-х гг. XVIII в., все эти способы образования деепричастий представлены. При этом если формы на *-а* (я) и *-учи* (ючи) у Барсова рассматриваются как равноправные и в большинстве случаев взаимозаменяемые¹⁰, то формы на *-вши* являются основным вариантом при допустимости форм на *-в*¹¹.

Все эти формы деепричастий зафиксированы и в литературных текстах второй половины XVIII в. [Очерки I: 173—179], хотя, безусловно, концентрация форм на *-учи* (ючи), которые грамматистами XIX в.¹² квалифицировались

¹⁰ Предпочтение одной из форм может объясняться происхождением глагола: «В точных российских глаголах пристойнее употреблять деепричастия на *чи*, а в словенских на *я* (или *а*), напр(имер) лучше сказать *гребучи*, нежели *гребя*, а с другой стороны лучше *дерзая*, нежели *дерзаючи*» [Барсов 1981: 602].

¹¹ «Слог *вши* во всех трех прошедших временах может заменен быть в конце полуслогом *въ*, а в середине одною согласною *в*, напр(имер) *двигавши* *двигавъ*, *смеявши* *смеявся...*» [Барсов 1981: 603].

¹² «Деепричастие настоящего времени оканчивается двояко (...): на *я*, *жа*, *ча*, *ша*, *ща*, и на *ючи*, или *учи*, напр. *читая*, *читаючи*, *бѣя*, *бѣючи*; *пиша*, *пишучи*. Последнее окончание принадлежит особенно просторечию» [Востоков 1842: 119]. «Почти каж-

как явно просторечные, в лубочных текстах более высокая. Кроме того, редко у кого из авторов встречается весь набор деепричастных форм, как это наблюдается в лубочной сказке. «Выбор той или иной формы зависел в известной мере от склонности автора, от индивидуального предпочтения (в стихах, конечно, играл роль и размер)» [Очерки I: 181].

Важной языковой особенностью сказки о Бове является употребление деепричастий в предикативной функции. Употребление причастия именительного падежа (из которого произошли деепричастные формы) в качестве сказуемого было характерной чертой древнерусских текстов, синтаксической особенностью русского извода [Горшкова, Хабургаев 1981: 336—337; Алексеев 1987: 187—200]. В русском литературном языке XVIII в. употребление деепричастия в предикативной функции — безусловный архаизм [Очерки II: 375]. Однако вплоть до конца XVIII в. в поэзии, сохраняющей многие архаические черты языка, изредка могут встречаться подобные конструкции:

Когда хозяина треск дома разбудил
Он вставши со одра и свечку засветил
[Майков 1966: 122].

В поэтических текстах XVIII в. встречаются разного рода языковые особенности, не являющиеся нормативными для литературного языка и почти не встречающиеся в прозе¹³. Это некоторым образом сближает поэтические тексты с народной литературой, т. к. и то, и другое в значительной степени питается церковнославянской языковой стихией.

При подсчетах мы рассматриваем деепричастие как предикативную единицу только в том случае, если оно связано с глаголом сочинительным союзом *и*:

И приніла королевна Милитриса блюдо и открыла платокъ и увидя короля Дадона главу и закрічала (31.3);

Уриль ударивъ царицу свою по лицу и говорить (26.1);

Потомъ повелѣль он въ рогъ затрубить и собравши войска 30000 пошелъ подь градъ гдѣставъ въ лугу королевскомъ и шатры разставилъ (3.2);

дое деепричастие имеет по два окончания: в настоящем времени *-я* или *-а*, и *-ючи* или *-учи*, а в прошедшем *-въ* и *-ши*. Последнее из оных именуется *полным*, а первое — *усеченным*. Значения оных совершенно равны; разность состоит в употреблении: *полное* окончание употребляется преимущественно в изустном разговоре, в просторечии, а *усеченное* более на письме, в слого возвышенном» [Греч 1834: 213].

¹³ О связи поэтического языка и церковнославянской языковой традиции см. [Живов 1996: 221—242].

И Бова прѣхал на морское пристанище и вшедь въшатерь гдѣ два короля связаны лежатъ подѣ лавкою Зензеуеи и Маркобрунѣ и Бова двухъ королеи развязалъ и поѣхалъ в Армянское царство (13.1).

У трех составителей лубочной сказки о Бове-королевиче процент такого рода конструкций по отношению к общему количеству употребления деепричастий оказывается разным. У первого составителя деепричастие встречается 60 раз, союзом *и* соединяется с глаголом 5 раз. У второго составителя деепричастие встречается 12 раз, из них 2 раза соединяется с глаголом союзом *и*. Для третьего составителя, в языке которого вообще много архаических особенностей, из 42 деепричастий 22 соединяются с глаголом союзом *и*.

Однако не только примеры такого рода указывают на высокую самостоятельность деепричастной формы. В Сказке о Бове есть несколько случаев, когда подлежащее включается в деепричастный оборот:

Пришедъ юноши въ нощи начали кровлю ломать и къ Бовѣ спущатьца (17.2);

И приш(е)дѣ Бова въ Задонское царство вшелъ въ королевския палаты и грамоту на столь положил (15.1);

И пришедъ Дружневна к рѣкѣ умылась чернымъ зеліем и стала черна как уголь (28.6).

Конструкции, где в начале стоит деепричастие, за ним — подлежащее, а в конце — слово, зависимое от деепричастия, встречались в литературных текстах второй половины XVIII в., прежде всего в поэтических, а также в жанрах, отразивших влияние народной речи (например, в баснях Крылова) [Очерки II: 394]. Даже в начале XIX в. в поэтических текстах встречаются деепричастные обороты, включающие в середину подлежащие.

Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег
[Пушкин V: 11].

Однако они, безусловно, являются архаичными для этого времени и к 1840-м гг. выходят из употребления [Очерки II: 394].

Общим для всех составителей является место деепричастия (с зависимыми словами и без) в общей структуре предложения. В преобладающем большинстве случаев деепричастие находится в препозиции по отношению к глаголу:

Она же прекрасная королевна Милитриса Кирбитовна падиши предѣ отцемъ своимъ на колѣни доносила ему (2.1);

Дядька Симбалда увидя погоню кинулся вовсю вконскую пору скакать и въѣхавъ во градъ Суминъ заперся накрепко а Бова королевичъ не могли ускакать надобрымъ конѣ инохотѣ свалился съ коня на землю (4.3);

Потомъ Полкан посмотревъ нацаревъ дворъ увидѣлъ полонъ дворъ маркобрунова войска (26.2).

В постпозиции по отношению к глаголу деепричастие встречается довольно редко:

И послалъ его во градъ Димихтианъ къ славному королю Кирбиту Верзюловичу съ грамотою написавъ овсемъ (1.2);

Бова садится на добраго коня богатырскаго въ стремяна ногою не ступаючи (11.8).

Эта тенденция касается и случаев, когда деепричастие соединяется с глаголом союзом *и*. Как правило, деепричастие при этом оказывается впереди глагола:

Симбалдаже принявъ его предложение иотправился въ путь (31.9);

И прекрасная королевна Дружневна взявъ у Бовы королевича усыпающаго зелья и пошла въ королевския палаты къ королю Маркобруну и стала любезные слова говорить (22.4).

В тексте сказки встретился всего один случай, когда деепричастие с союзом *и* находится в постпозиции по отношению к глаголу:

Король Дадонъ короля Гвидона догнавъ ударилъ копѣемъ и прободавъ ему утробу исердце (3.6).

У первого составителя деепричастие в препозиции по отношению к глаголу встречается в 57 случаях, в постпозиции — в 3-х; у второго составителя в препозиции — в 10 случаях, в постпозиции — в 2-х. У третьего составителя в препозиции — 40 случаев, в постпозиции — 2. По всей видимости, эта тенденция была характерна и для литературного языка второй половины XVIII в. Так, в «Пересмешнике» Чулкова в главах III—V встретилось 37 деепричастных форм, из них 33 в препозиции по отношению к глаголу и 4 в постпозиции [Чулков 1988: 29—47].

Структура придаточных предложений

Условное придаточное оформлялось у трех составителей по-разному. У первого условное предложение встречается 12 раз; 6 раз оно вводится союзом *ежели* (из них 4 — *а ежели*):

Ежели противъ такового славнаго короля вступить мнѣ въ ссору то онъ будучи воинъ побьетъ и поплѣнитъ всю мою воинскую рать (2.0);

А ежели слова моего ты Личарда не послушаешь и къ нему не побѣдешь и той грамоты къ королю Дадону не отвезешь то я натебя наслугу королю Гвидону донесу (2.4);

Ежели вамъ не вѣроятнo то прикажи меня посадить въ темницу (2.6);

А ежели сего не исполнишь то примешь злую смерть (8.2);

А ежели не отдашь любовию то я градъ твой побью и огнемъ сожгу (8.5);

А ежели не выдашь любовию то возьму и нечестию (10.2).

Употребление *ежели* является нейтральным для литературного языка конца XVIII — начала XIX в., хотя уже в первые десятилетия XIX в. употребление *ежели* значительно сокращается за счет союза *если*. Так, у Пушкина в условных конструкциях союз *если* встречается около 700 раз, а союз *ежели* только 20 [Очерки III: 176].

Пять раз условное придаточное у первого составителя присоединяется союзом *буде* (4 раза в варианте *а буде*, 1 раз в варианте *и буде*):

А буде изволите отдавать въ замужество то прошу отд(а)ть за короля Дадона которой нашему державству оберегатель и истинно кресной хранитель отъ всѣхъ нападствующихъ на насъ (2.1);

Ибуде слово не сбудется то прикажи за то ложное объявление казнить меня смертію (3.0);

А буде все сіе сбудется то тебя пожалую (3.1);

А буде де мнѣ не отдадите его то я живъ не могу быть и не отступлю отъ града Антона (5.1);

А буде вы не отдадите онаго юношу то вамъ изъ моего государства живымъ не выгхатъ (6.7).

В XVII—XVIII вв. *буде* — основной условный союз в официальных документах. К началу XIX в. союз *буде* почти не встречается в литературных текстах в нейтральных контекстах. Он появляется лишь как стилистически маркированный элемент. «В художественной литературе союз *буде* встречается почти исключительно в цитатах — прямых и косвенных — из документов делового характера или в текстах, воспроизводящих канцелярскую речь» [Очерки III: 173]. В отличие от литературных текстов, в сказке о Бове *буде* — стилистически нейтральный союз.

Один раз условное придаточное вводится союзом *коли*:

*А коли ты простаго роду то служи у меня на конюшне и будь надъко-
нюшнями старшии (7.1).*

В начале XIX в. союз *коли* осознавался как просторечный. Так, в Словаре Академии российской *коли* имеет помету 'простонар(одное)' [САР III: 233]. Характерно, что у Карамзина этот союз практически не встречается [Очерки III: 105].

Во всех случаях условного придаточного у первого составителя в постпозитивной главной части предложения находится соотносительное слово *то*.

Во второй части текста (второй составитель) 3 условных предложения. Два из них имеют структуры *и буде... и*, одно — *если... то*:

*Слыхаль я у старыхъ людей которой государь холопа купить и буде
тотъ холопъ государю своему выслужится и того холопа надѣлнить и на
волю выпустить (13.4);*

*И буде вы нездадите моего измѣнщика и впредь вамъ мимо моего царст-
ва непроѣзжать (17.5);*

*Если онъ съ двѣнадцати цѣпей собьется то много воградѣ мертвыхъ бу-
детъ (21.4).*

У третьего составителя три условных предложения. Одно со структурой *когда... то*:

*Когда Полкана львы умертвили то уже и королевну съ дѣтми не остави-
ли живу (29.0).*

Второе предложение соединяется церковнославянским союзом *аще же*, который, безусловно, был для литературного языка конца XVIII в. элементом вне системы.

Аще же невидешъ ты неможешъ укрытса отъ руки моеи (30.1).

Третье предложение имеет структуру *а буде ... то*:

*Абуде онъ нео(т)дасть дочь свою за Бову королевича то ему приказано
градъ его разорить а его и съ дочерью взять въ полонь (31.9).*

Таким образом, общим у всех трех составителей для выражения условной связи является характерный для деловой письменности союз *буде*. В целом в системе сложноподчиненного предложения условная связь представлена обширным рядом синонимических средств, где нет стилистической дифференциации и просторечные элементы органично уживаются с церковнославянизмами.

В придаточных причины самым распространенным является союз *понеже*. Для системы литературного языка конца XVIII в. он является архаичным и стилистически маркированным. Об этом свидетельствует, например, пародийный текст Богдановича:

Понеже говорят подьячие в приказе:
 Понеже без него не можно им прожить,
 Понеже слово то показано в указе,
 Понеже в выписке оно имелось быть...
 Понеже следует везде его гласить

[Богданович 1957: 142—143]¹⁴.

В сказке о Бове *понеже* не является стилистически окрашенным словом. У первого составителя из четырех случаев придаточных причины *понеже* встречается только в одном:

А во градъ взоити Лукоперъ не могъ понеже былъ крѣпко запертъ (10.4).

У второго составителя придаточные причины не встретились¹⁵. У третьего составителя все 4 придаточных причины вводятся союзом *понеже*:

Государь мои Бова королевичъ не покинь меня бѣдную и возми меня с собою понеже у насъ завтра свадьба (22.2);

И королю Маркобруну то слово полюбилося понеже не слыхаль отъ неи такихъ любезныхъ словъ (22.5);

Можетъ онъ достигъ Бову понеже скачетъ онъ всякои скокъ по семи верстъ (24.2);

Гонится за нами сила великая отъ короля Маркобруна понеже есть у него славнии богатырь Полканъ по поясъ человекъ а от пояса конь и онъ скачетъ всякои скокъ по семи верстъ и скоро насъ догонитъ (24.6).

¹⁴ По мнению Живова, союз *понеже* не является характерной чертой приказного языка. До середины XVIII в. он встречается у Ломоносова и Сумарокова. Позже наблюдается резко отрицательное отношение к нему филологов и писателей. «Источником данного отношения к *понеже* были не какие-либо реальные черты языковой практики, а искусственное соотнесение данного союза с французскими “судейскими” союзами, предметом специальной борьбы французских пуристов. (...) Раз судейские союзы были у французов, их следовало завести и русским, причем эту функцию образцовой неправильности мог выполнить любой союз, более или менее характерный для книжного языка вообще» [Живов 1996: 304].

¹⁵ В его языке вообще немного сложноподчиненных предложений, а основное средство соединения — союз *и*.

Кроме союза *понеже*, в сказке о Бове (у первого составителя) при организации причинной связи встречается стилистически нейтральный в литературном языке союз *потому что*:

*Нынѣ итти за него смелости не имѣю **потому что** когда я была млада то король Гвидонъ за меня сватался и тогда изволили вы ему отказать* (2.1).

Кроме того, два раза встречается союз *что* в причинном значении:

*И гости корабельщики промежь себя дивовались немогли на бовину красоту насмотретися **что** не видали такого отрока прекраснаго и любезнаго Бову* (5.9);

*А гости корабельщики говорили государь нашъ Зензевей Андроновичъ не возможно нам отрока продать **что** он у насъ общиѣи и взять у насъ при край моря на берегу* (6.6).

Подобные предложения, видимо, были характерны для разговорной речи [Очерки III: 118]. Показательно, что в баснях Крылова встречается *что* как причинный союз.

Мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки

[Крылов III: 38].

Рассмотренный языковой материал Сказки о Бове позволяет утверждать, что в языке лубка, в отличие от литературного языка, нет стилистической дифференциации языковых средств. Церковнославянизмы и просторечные формы, бывшие в литературном языке показателями принадлежности текста к высокому или же низкому стилю, здесь являются нейтральными элементами.

За счет тех элементов (церковнославянизмы, просторечные формы, конструкции разговорного языка, канцеляризмы), которые в литературном языке лежат на периферии системы (или же вообще вне ее), язык лубочной литературы имеет значительно более широкий спектр синонимических средств. Представления о языке, не закрепленные в грамматике и соотносимые с разными языковыми традициями (церковнославянская письменность, делопроизводство, литературная традиция), у разных людей могли быть различными. Однако то, что сегодня воспринимается как разные языковые практики, могло существовать в пределах одного текста и, соответственно, не вступало в противоречие с представлениями о письменном языке издателей и читателей народной литературы.

Литература и источники

- Алексеев 1987 — *Алексеев А. А.* Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. № 2/3. С. 187—200.
- Барсов 1981 — *Барсов А. А.* Российская грамматика [1783—1788] / Подгот. текста М. П. Тоболовой. М., 1981.
- Богданович 1957 — *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. И. З. Сермана. Л., 1957.
- Востоков 1842 — Русская грамматика Александра Востокова, начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. 5-е изд. СПб., 1842.
- Гессен 1930 — *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л., 1930.
- Греч 1834 — Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд. СПб., 1834.
- Гриц 2001 — *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- И то и сіо, X — И то и сіо, март, 10 неделя. СПб., 1769.
- Кравецкий 2003 — *Кравецкий А. Г.* Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII—XIX вв. // *Славянское языкознание: Мат-лы конф.* (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.
- Кравецкий, Плетнева 2001 — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX вв.). М., 2001.
- Крылов I—III — *Крылов И. А.* Полное собрание сочинений / Под ред. Демьяна Бедного. Т. 1—3. М., 1944—1946.
- Кузьмина 1964 — *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964.
- Ломоносов I—XI — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950—1983.
- Майков 1966 — *Майков Василий.* Избранные произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966.
- Очерки I—III — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. I. Изменение в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
- Плетнева 2001 — *Плетнева А. А.* Социоллингвистика и проблемы истории русского языка XVIII—XIX веков // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова.* М., 2001.
- Пыпин 1888 — *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины. М., 1888.
- Поливанов 1931 — *Поливанов Е.* За марксистское языкознание. М., 1931.
- Пушкин I—XVI — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.
- Ровинский I—V — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.
- Россия 1991 — *Россия: Энциклопедический словарь.* Л., 1991 (= *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.* Т. 54—55).

САР III — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный.
Часть III. СПб., 1814.

Сумароков 1957 — *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.

Чулков 1988 — *Чулков М. Д.* Пересмешник. М., 1988.